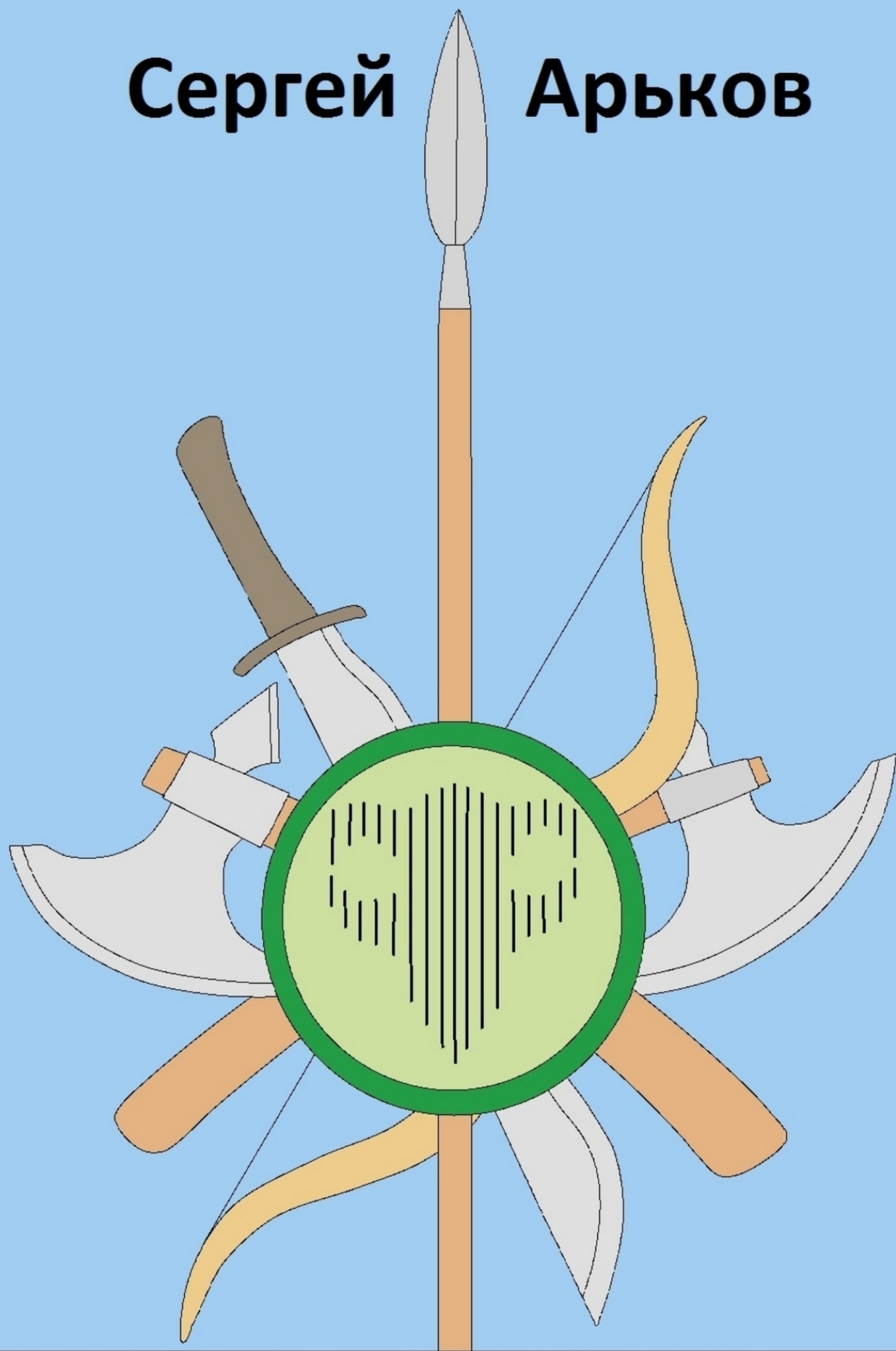

Сергей

Арьков

ИСТИННЫЙ ПУТЬ

часть первая

ЗНАКИ СВЫШЕ

16+

Сергей Арьков

**Истинный путь. Часть
первая. Знаки свыше**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Арьков С. А.

Истинный путь. Часть первая. Знаки свыше / С. А. Арьков —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Времена былой славы канули в прошлое. Народ некогда великих завоевателей влачит жалкое существование. Но не все орки забыли о том, кто они, кем были прежде и кем должны стать вновь. Знаки свыше явили себя. Грядет возвращение на истинный путь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1

Опершись на лопату, Ухряк уже минут пять неотрывно смотрел на величественный памятник легендарному герою и эпическому свершителю прошлого, Вандалу Всепобеждающему. Монумент воздвигли давно, и с той поры, по исконной традиции орков, не ремонтировали его и не обновляли. В итоге, время сделало свое черное дело, не пощадив даже твердый камень, из цельного куска которого был высечен в натуральную величину великий полководец древности. Статуя выглядела потрепанной, она давно покрылась сеткой трещин, кое-где из нее вывалились куски камня, образовав безобразные дыры. Вандал имел ныне такой вид, будто он только что вышел из очередного кровопролитного боя, и вышел далеко не победителем. На это намекали отвалившееся правое ухо и залепленный грязью левый глаз.

Монумент стоял на распутье, милях в пяти от Раздрызга, довольно крупного города державы орков – Вдребезгарии. Вдребезгария была велика, она, подобно шкуре буйвола, раскинулась от мрачных и угрюмых Северных гор до падшего королевства эльфов – Санд-ар-Турна.

В древние времена у орков Вдребезгарии и эльфов Санд-ар-Турна приключилась большая вражда. Затеяли ее, разумеется, эльфы, известные своей зловредностью, завистливостью и склонностью к разврату. Возжаждав завладеть самыми прекрасными на свете землями орков, самыми мясистыми на свете буйволами орков, и обладающими самым прекрасным характером женщинами орков, пошли они вероломной войной на Вдребезгарию, найдя себе союзников в лице гномов с Северных гор. Эльфы были отвратительны, гномы немногим от них отставали. Каждый уважающий себя орк, говоря о гномах или об эльфах, обязательно презрительно плевался, а поскольку о чем-то ином орки говорили редко, во всей Вдребезгарии уже давно не осталось ни одного не заплеванного уголка.

Коварные эльфы и подлые гномы вторглись в миролюбивую Вдребезгарию, и принялись заниматься своим излюбленным делом – бесчинствовать. Не было счета вытоптанному полю, забитым буйволам и обесчещенным девам, хотя эльфы, известные извращенцы, иной раз забивали дев и бесчестили буйволов, в полном соответствии со своей порочной сущью. И, когда казалось, что подлые завоеватели сотрут весь род орков с лица земли, нашелся среди тех великий герой, нареченный Вандалом. Он собрал под свои знамена всех, кто мог держать топор, и повел на великую битву, должную решить судьбу всей Вдребезгарии.

И грянула сеча, коей не видывал мир ни прежде, ни после. Две великие армии сошлись в кровавом бою на большом поле, что раскинулось вблизи деревни Навозная Куча. Три дня и три ночи бились герои орков с трусливыми эльфами и жалкими гномами, и к исходу третьего дня одержали сокрушительную победу. Навозную Кучу тут же переименовали в Славный Курган, и нарекли то сражение битвой у Славного Кургана.

Посрамленные эльфы и униженные гномы с позором отступили обратно, в свои королевства. Но в сердцах орков пылал огонь мести. Мало было изгнать недругов со своей земли, их следовало жестоко наказать.

Следующие двадцать лет Вандал Всепобеждающий наказывал всех, до кого мог дотянуться. Первым делом он со своей ордой нагрянул в Северные горы, и поверг гномов в величайшее изумление. Под девизом «Что не можешь украсть – сломай!» Вандал со своей ордой четыре года разорял подземные города гномов, оставляя после себя дымящиеся руины и горы трупов.

Затем настал черед эльфов платить по счетам. Собрав еще большее войско, Вандал нагрянул в Санд-ар-Турн. Там оркам открылась страшная правда об эльфах – те почти все поголовно оказались мужеложцами и ценителями прекрасного, играли на свирелях и мылись каждый день. Стерпеть эти эльфийские ценности было невозможно. Разгневанный Вандал отдал приказ разорить Санд-ар-Турн раз и навсегда, дабы никогда более не восстал он из пепла.

Богатства аморальных эльфов оказались столь велики, что на протяжении ста лет после славной смерти Вандаля (того раздавило рухнувшей сверху каменной балкой, когда он ломал очередной памятник эльфийского зодчества) орки продолжали наведываться в Санд-ар-Турн с набегами. Именно тогда из мирных скотоводов они превратились в великих воинов. Немало сказаний и легенд было сложено о том славном времени. Немало героев увековечили себя героизмом и подвигами. Но всему приходит конец, и однажды он пришел богатствам эльфов. Больше нечего было грабить и рушить, Санд-ар-Турн превратился в вытоптанную пустыню. Немногие уцелевшие эльфы бежали на запад, куда ходить за ними стало далеко и лениво. И славная эпоха завоеваний, походов, грабежей и праведного вандализма иссякла сама собой.

С тех пор минуло немало лет. Орки остепенелись, вновь став землепашцами и пастухами. Затем эльфы стали возвращаться в Санд-ар-Турн, пытались что-то там наладить, отстроить, но не претерпели большого успеха. А даже если и было у них что взять, и ведь наверняка было (не бывает так, чтобы с эльфа взять было нечего), некому стало брать – канули в прошлое времена героев. Поговаривали, что даже гномы в Северных горах вновь копошатся, хотя еще недавно казалось, что Вандал вырезал их всех под корень. Впрочем, что эльфы, что гномы, жили плохо, бедно и впроголодь – об этом было известно точно. Вдребезгария имела с соседями дипломатические сношения, с той, разумеется, целью, чтобы приглядывать за ними, и некоторые орки бывали во вражеских землях. Они-то и рассказывали, что эльфы траву едят, корешки из земли выкапывают, иных ветром с ног валит, а иные и без ветра падают, обессилев от голода. У гномов ситуация была еще хуже. Там, по уверениям посетивших их орков, помимо голода лютовали эпидемии, от коих гномы вымирали стабильно и в большом количестве. Что, разумеется, не могло не радовать сердце каждого орка, ибо нет для того большей радости, чем слушать рассказы о несчастьях гномов и плевать.

Впрочем, не все обстояло так уж хорошо. Пусть и поверженные, но вечные враги не оставляли своих черных планов в отношении великой Вдребезгарии. Доходили тревожные слухи, что будто бы коварные гномы ищут в своих бездонных подземельях древние артефакты невиданной силы, дабы затем, с их помощью, обрушить на миролюбивых орков беды и несчастья. Так же поговаривали, что и эльфы, вреднейшие из существ, заняты черным делом – будто бы ищут они в зловещих гробницах древние заклинания, дабы использовать те во вред оркам. Слухи эти обрастали шокирующими подробностями, в частности, их распространители так подробно описывали зловещие гробницы, так точно пересказывали начертанные на их стенах жуткие тексты, будто бы сами неоднократно бывали там и все видели воочию.

Ухряк поднял свою мускулистую руку, и широкой, словно лопата, ладонью, почесал приплюснутый нос с огромными, как две пещеры, ноздрями, из которых выглядывали длинные жесткие волоски. Ладонь у Ухряка была крепкая, сильная, мозолистая. В такой ладони самое оно сидела бы рукоять боевой секиры, или славного пудового молота – лучшего средства для сокрушения изнеженных тел бездуховных эльфов. Но поскольку времена славы, воинских побед и богатой добычи давно и успешно канули в прошлое, замечательные ладони Ухряка контактировали преимущественно с лопатой.

Он еще немного постоял возле монумента, не в силах отвести взгляд от величественного образа древнего полководца. Даже битый жизнью и временем каменный Вандал был велик и эпичен. Взирая на этого исполина, Ухряку казалось, что достаточно прогреметь поблизости боевому ругу, и гранитный полководец тут же оживет, спрыгнет со своего постаменты, и, сверкая глазами, да исторгая из пасти неистовый рев, помчится в атаку, ведя за собой юную поросль героев. О, Ухряк пошел бы за Вандалом. Хоть на край света. Хоть бы и за край. Бросил бы ненавистную лопату, взял бы дедовскую секиру, и ступил бы на дорогу славы и героизма. Эта дорога некогда вела его предков, и Ухряку было нестерпимо больно из-за осознания того горького факта, что времена эпичных свершений для его народа давно закончились.

Ухряк с какой-то наивной детской надеждой уставился на памятник полководцу, мысленно упрашивая того – оживи! Веди меня в бой! Давай, как встарь, обрушимся на гнусных гномов....

Подумав о гномах, Ухряк смачно сплюнул себе под ноги.

А потом, воздав по заслугам этим коротышкам, разорив их пещеры и завалив их шахты, мы нагрянем в гости к эльфам....

Эльфы удостоились сразу трех плевков. Ухряк, как настоящий правильный орк, всей душой ненавидел и гномов, и эльфов, но эльфов, все-таки, больше. Было в них что-то глубоко чуждое оркам, глубоко противное и даже противоестественное. Один обычай ежедневного омовения чего стоил!

Да, да, мы нагрянем к эльфам – мысленно воскликнул Ухряк.

Ему вообразилась дивная, вознесшая его на вершину блаженства, картина: он сам, полководец Вандал, и еще сотни и сотни могучих воинов, благородных завоевателей и возвышенных мародеров, смертоносной лавиной катятся по эльфийским землям, оставляя за собой вытоптанную пустыню и обугленные останки недругов. Всех, кто не орки – убить! Любую постройку, красивее сарая – разрушить! Священные роци вырубить на дрова!

Ухряк вздрогнул. Ему показалось, что он слышит в своей голове могучий голос самого Вандала. Он вновь с надеждой посмотрел на памятник.

– Великий полководец! – взмолился Ухряк. – Подай знак! Яви знамение!

Но каменный воитель остался недвижим, навеки застыв в своей героической позе. Ухряк постоял перед ним, ожидая чуда, но того не случилось. Как и всегда.

Безрадостно уронив голову, орк забросил лопату плечо и вразвалочку поковылял по дороге в сторону дома. Близился закат, и падающее за холмы солнце залило всю равнину золотистым светом. Его лучи заставили Ухряка прищуриться и сильнее наклонить голову, уперев мощный подбородок в ключицу. Шел он неторопливо, хотя мог бы, если требовалось, легко перейти на бег. После целого дня землеройных работ Ухряк не чувствовал особого утомления. Если бы он захотел, то мог бы ворочать землю трое суток напролет. Но он не хотел этого. Он был орком, потомком великих героев, чьи имена украшали собой самые сочные и кровавые легенды. Он был рожден для яростных битв, для вечной славы, для безудержного грабежа. А вовсе не для рытья канав, будь они неладны. Рытье канав, это удел пленных гномов. А настоящий орк должен убивать врагов, есть мясо, и пить пиво.

Но канули в прошлое времена славы. А потому каждое утро, чуть свет, Ухряк вынужден был отправляться в Раздрызг, и там до самого заката копать траншеи, таскать камни, грузить и разгружать телеги, и все это за унижительно малую плату. Прежде такую же точно жизнь вел его отец, пока, в один черный день, не упал на землю, когда нес на своем натруженном горбу четыре пуда кирпичей. Упал, чтобы больше уже не встать. Теперь и Ухряк шел по его стопам. Он был молод и силен, и играючи поднимал десять пудов. Но, в то же время, его постоянно посещало осознание того мрачного факта, что сила и молодость не продержатся долго. Однажды они покинут его навсегда, и он кончит так же, как его отец – надорвется на унижительной работе, упадет, и больше не встанет на ноги.

Еще горше было осознавать, что свою молодость и силу он тратит на такую бесполезную ерунду, когда мог бы употребить их с великой пользой, участвуя в кровавых битвах и разоряя вражеские города.

Ухряк остановился, обернулся, и посмотрел на оставшуюся позади статую Вандала. Древний полководец, залитый закатными лучами солнца, казался облаченным в золото. Да, вот кто действительно прожил достойную и насыщенную жизнь, так это он и его воины. Они не срамили себя рытьем канав и перетаскиванием кирпичей. Если что и рыли, то могилы для сокрушенных врагов, а таскали только награбленное добро.

Уже не в первый раз Ухряку подумалось о том, что он родился не в свою эпоху. Ему бы появиться на свет в одно время с Вандалом. Он бы пошел за великим полководцем, сражался бы с ним плечом к плечу, бросался бы в гущу боя, не ведя ни страха, ни жалости. И неминуемо угодил бы во все легенды и песни.

Испутив полный горечи вздох, Ухряк повернулся вперед и побрел дальше по дороге. Вокруг него простерлась степь, покрытая жесткой, выгоревшей на солнце, травой. На востоке маячили массивные туши холмов, а на юге, невидимое отсюда, но все же довольно близкое, раскинулось море. Там, вдоль побережья, протянулись цепочкой мелкие рыбацкие поселки. Мореходы из орков были неважные, но рыбаки сносные. Иногда Ухряк завидовал оркам с побережья, их жизнь казалась ему интереснее той, которую влачил он сам. Все-таки рыбная ловля это более веселое занятие, нежели рытье траншей. Впрочем, любое дело, в конечном итоге, наскучит и превратится в тошнотворную рутину, если, конечно, речь не идет о пути воинской славы. Рубить врагов секирой и грабить их богатства – такое едва ли способно приестся даже за сотню лет.

Отшагав две мили, Ухряк увидел впереди родную деревню – десяток круглой формы глинобитных строений с травяными крышами. Чуть в стороне от селения паслись буйволы, кажущиеся с дороги крупными темными точками. Лето в этом году выдалось засушливое, дожди случались редко, и были, как правило, скоротечными. Капли воды едва успевали размочить сухую потрескавшуюся землю, как тучи уже рассеивались, и на всю Вдребезгарию вновь обрушивался солнечный жар. Буйволы, вынужденные кормиться жесткой сухой травой, были тощими, а слабые и больные уже отмучились свое. Животные почти не давали молока, а мясо у забитых особей было жесткое и невкусное. Если бы не Ухряк и его ежедневная работа в Раздрызге, их семья едва ли пережила это лето. И прошлое. И позапрошлое. А до Ухряка от голодной смерти семью спасал его отец. Спасал, пока унижительная, скудно оплачиваемая работа, не свела его в могилу. Теперь землекоп и грузчик покоился под небольшим курганом с севера от деревни. И Ухряк ясно осознавал, что там же, рядом с отцом, завершится и его жизненный путь. Однажды он надорвется, упадет, и над его телом насыплют небольшой земляной холмик, который и курганом-то назвать нельзя. Курганы насыпались над могилами великих героев. Вот там были курганы! Настоящие горы, скрывающие в себе несметные богатства, призванные обеспечить усопшему достаток и на том свете. Помимо сокровищ вместе с героем закапывали десяток-другой пленников, эльфов там, всяких, или гномов, зачастую живьем, дабы служили они своему покорителю и за могильной чертой. Да уж, под таким курганом и лежать не стыдно.

Деревня была небольшая и бедная. Постройки – убогие хижинки из глины, которые сколько ни обновляй, все равно выглядят словно курятники. Крытые травой крыши прекрасно пропускали внутрь дождевую воду, и Ухряк невольно вздрогнул, вообразив себе грядущую осень. Лето выдалось засушливое, а это означало, что вся скопившаяся на небесах влага обрушится на их головы в осеннюю пору. Следовало укрепить крышу, поменять траву, уложить ее более плотно. Но Ухряк заранее знал, что толку от этого не будет. Хоть перекрывай ее каждый день, проклятая крыша все равно будет течь. А вот владей он дюжиной рабов-эльфов, он бы заставил их построить ему добротное жилище. Эльфы, хоть и зловредны по своей сути, умеют, надо отдать им должное, работать руками.

Эх, будь он воином в орде Вандала, у него были бы рабы. И эльфы, и гномы. И несметные богатства, праведным образом награбленные у нечестивых соседей.

Тут от мрачных раздумий его отвлек окрик, прозвучавший справа. Голос был хорошо знакомый, и принадлежал Эгуру.

– Эй, землекоп, все ямы выкопал? – весело крикнул ему Эгур. Сам он лежал в траве, в дюжине шагов от дороги, и занимался своим любимым делом – бездельничал.

Ухряк остановился и неодобрительно посмотрел на орка. Тот сел, возвысившись над травой по грудь, и широченно оскалится. Эгур был худ и узок в плечах, но за счет своей легкости

отличался удивительным проворством. Никто из знакомых Ухряка не мог угнаться за ним. А гонялись многие. И отнюдь не с добрыми намерениями.

– Бока не отлежал? – мрачно спросил Ухряк.

– За мои бока не тревожься, – весело ответил Эгур. – Лежать да полеживать – дело естественное, и орку вполне подобающее. А у кротов работу отнимать, это, брат, натуральное кощунство.

Ухряк обиженно засопел. Впрочем, обзови его кротом некий достойный орк, вроде того же Вандала, он, пожалуй, сгорел бы со стыда. Но подобные оскорбления со стороны Эгура не казались ему обидными. В конце концов, кто он такой, этот Эгур? Бездельник, лентяй и болтун. Сам Ухряк хотя бы трудился, хотя бы кормил семью, а этот только и знает, что в траве валяться. И как только родичи до сих пор не выгнали его из дома?

– Дело себе найди, – посоветовал он выглядывающему из высокой травы орку. Тот весь зарос длинными волосами, которые даже не трудился заплетать в косы, отчего напоминал старого буйвола, чья свалывшаяся грива волочится по земле и собирает пыль. Эгур вообще был какой-то неправильный. Сам был тощий и узкоплечий, словно баба, зато нижней его челюстью можно было убить некрупного дракона. Из этой челюсти торчали огромные желтые клыки, раза в два крупнее тех, что украшали рот Ухряка. Эгур очень гордился своими клыками, и врал о том, что точно такие же были у самого Вандала. Хотя даже малые дети знали, что клыков у Вандала не было вовсе – их ему еще в юности выбил горный тролль, с которым будущий полководец вступил в неравную схватку и одержал свою первую крупную победу.

– У меня уже есть дело, – отозвался Эгур.

Ухряк старался избегать этого балбеса, да и мать советовала держаться подальше от никчемного орка, но сегодня самодовольный тон лентяя буквально взбесил его. Он, понимаешь, целый день рыл траншею, а этот фрукт с самого утра в траве провалялся. И еще имеет наглость утверждать, что у него есть какое-то дело.

Ухряк сбросил с плеча старую лопату, которой трудился еще его отец, и упер ее штыком в утрамбованную землю дороги.

– И какое же у тебя дело? – спросил он, стараясь, чтобы голос его звучал презрительно. Не вышло. То ли он устал больше, чем ему показалось, то ли не хватало практики.

– Дело важное, будь уверен! – ответил Эгур, и засмеялся. – Уж точно поважнее твоего. У тебя-то вообще не дело, а так, убой времени.

– Пошел бы, порыл землю, а потом говорил, убой это времени, или нет, – обиженно прогудел Ухряк. У него возникло сильное желание отловить Эгура и всыпать ему как следует, но он заранее знал, что за проворным бездельником ему не угнаться.

– Вот еще! – фыркнул Эгур. – Я и так знаю, что это полная ерунда. И потом, мне нельзя отлучаться.

– Нельзя отлучаться? – удивился Ухряк, а сам подумал, что зря он вообще заговорил с этим неправильным орком. Чтобы быть правильным орком, нужно равняться на овечьные славы авторитеты, вроде того же Вандала, а от таких типов, как Эгур, держатся подальше. Потому что этот Эгур, он ведь без пяти минут эльф. Ну, Ухряку, во всяком случае, так казалось, хотя живых эльфов он в своей жизни ни разу не видел. Зато неоднократно слышал о них в песнях и легендах, и этого было достаточно, что составить о данных существах вполне объективное представление.

– Нельзя, – подтвердил Эгур. – Вдруг отлучусь, а оно и произойдет.

– Что произойдет?

Разговор начал надоедать Ухряку. Он сообразил, что Эгур, как обычно, несет околесицу, и напрасно пытаться искать в ней хоть какой-то смысл.

– Оно самое, – ответил Эгур, и хитро подмигнул ему левым глазом. Мигать правым глазом ему было трудно, поскольку тот был украшен черной припухшей каймой синяка. Кто-то

все-таки догнал Эгура. Скорее всего, синяк был делом рук домочадцев. Они не любили своего праздного родича, и частенько пытались вразумить его побоями. Иногда у них это даже получалось. Ну, получалось нанести побои. Что же касалось вразумления, оно так и не было достигнуто.

– Все понятно, – прогудел Ухряк. – Пустая болтовня.

Он вновь взвалил лопату на плечо, и приготовился продолжить путь. Дома его ждал ужин, о котором он грезил весь день. Мать собиралась сегодня жарить лепешки на жиру, а Ухряк с детства обожал их.

– Не, ты не поймешь, – нагло заявил Эгур. – Куда тебе, кроту, понять?

Ухряк зарычал, оскалив зубы. Он сделал вид, что собирается преследовать наглеца. Эгур резко взвился на ноги и отбежал от дороги на десяток шагов.

– Лопатой перетяну! – пригрозил Ухряк.

– Побереги инструмент, – посмеиваясь, посоветовал праздный орк. – Сломаешь, чем землю рыть будешь? Тебе этим еще долго заниматься. До самой смерти. Не то, что мне.

– А ты собрался до самой смерти в поле проваляться? – уже не сдерживая злость, прокричал Ухряк. Слова Эгура задели его за живое. Так уж вышло, что в последнее время он и сам много об этом думал. Думал о жизни своей, какой-то решительно неправильной. И еще о том, что он идет по стопам отца. А хотелось идти по стопам Вандала и его героических воинов.

– Ничего я такого делать не собираюсь, – возмущенно ответил Эгур. – Сказал же – жду я.

– Да чего ждешь-то?

– Знак!

– Чего? – нахмурился Ухряк.

– Знак, – повторил Эгур.

– Какой знак? – растерялся Ухряк, вновь уперев лопату в дорогу.

– Обыкновенный. Как у Вандала.

– Так, ты Вандала не касайся! – строго потребовал Ухряк. Он этого Эгура знал, у того вообще не было ничего святого. Мог и о величайшем из орков гадостей наговорить.

– Ты разве не знаешь, что Вандалу было знамение? – спросил Эгур.

– Знамение? – нахмурился Ухряк, который ни о чем таком не слышал.

– Ниспосланное свыше, – кивнул головой праздный орк. – Оно-то и подвигло его на героические деяния. Вот и я тоже жду знамения. Потому что без знамения, о великих делах и думать нечего. А всякой ерундой, вроде рытья ям, заниматься нужным я не считаю. Славы этой ерундой не наживешь.

Ухряк глядел на собеседника со смесью удивления и неприязни. Он впервые услышал о том, что Вандалу было дано какое-то знамение. В песнях и сказаниях об этом не упоминалось. Там говорилось просто – встал и пошел войной на всех, кто не орк, ведя за собою орду несметную.

Эгур мог все это выдумать сам – с него станется. А вдруг нет? Вдруг действительно было Вандалу знамение? Вполне возможно, что было. Не на ровном же месте все это закрутилось. И потом, это объясняло то, почему орки с той поры больше не воевали с соседями, вместо чего жили мирно, и при этом не слишком богато. Просто больше никому из них не было явлено знамение, вот и не продолжили великого дела незабвенного Вандала.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросил Ухряк. – Ну, про знамение это.

– Знаю, и все тут, – отрезал Эгур, и самодовольно оскалился, демонстрируя свои огромные клыки. – Вот поэтому и жду. А ты иди и дальше землю рой. Тебе знамения не видать.

После чего захохотал, повернулся к Ухряку задом и побрел по полю, пиная ногами сухую траву. Ухряка взяла злость. Он подхватил с дороги ком ссохшейся земли, достаточно тяжелый и твердый, чтобы отбить у любого охоту скалить зубы, и метнул его в спину Эгуру. Но все же

целый день на лопате не прошел даром. Утомленная физическим трудом рука подвела его, и снаряд просвистел в двух шагах от праздного орка.

– Мимо, – крикнул тот, не поворачивая головы, и вновь громко захохотал.

У Ухряка свирепо заскрипели зубы. Он понял, что этому бездельнику пора преподать хороший урок. Отловить его, и всыпать от всей души, чтобы впредь имел уважение к честным труженикам.

Но проблема заключалась в том, что Ухряк сам не уважал себя в качестве честного труженика. А себя самого сколько ни бей – не поможет.

На ужин были любимые жареные лепешки, но из-за разговора с Эгуром, который основательно подпортил Ухряку настроение, они не показались сильно вкусными. Он сидел на полу, подогнув под себя ноги, и чисто механически жевал угощение. Кроме него в хижине никого не было. Все домочадцы уже давно поужинали, и разбрелись по своим делам.

Снаружи уже сгустились сумерки. Тусклый свет очага выхватывал из тьмы убогое убранство жилища. Грубые глиняные стены украшали шкуры буйволов, старые и пыльные. С низкого потолка, который Ухряк постоянно задевал головой, свисали пучки сухой травы. Меланхолично жуя лепешку, Ухряк отметил, что крышу нужно обновить, пока в ней не образовались сквозные дыры. Он обязательно займется этим, когда у него выдастся свободный от работы день.

Съев еще одну лепешку, Ухряк выпил молока из глиняного кувшина, прошел в угол дома и тяжело рухнул на свою лежанку, отвернувшись лицом к стене. Усталость, которой он не чувствовал в течение всего дня, коварно навалилась под вечер, сковав конечности предательской слабостью. К тому же настроение было поганое. Ухряк попытался обвинить в этом Эгура и его глупую болтовню, но в глубине души он понимал, что настоящей причиной послужили его собственные мысли. Те мысли, что не оставляли его уже долгое время. Мысли о том, что живет он неправильной жизнью, что повторяет судьбу отца, ужасную своей бессмысленностью и ненужностью. Неужели он рожден на свет лишь для того, чтобы рыть ямы и таскать камни? Почему Вандалу был послан знак свыше, а ему нет? Чем он хуже легендарного героя?

Ухряк плотно зажмурил глаза, и заставил себя забыть обо всем. Мысли мыслями, а завтра ему опять рано вставать и идти в город, на работу. Нравится ему это, или нет. Если он не выспится, то весь следующий день будет вялым и рассеянным, а в таком состоянии много не заработаешь.

Но мысли упорно продолжали вертеться в его голове. Знак? Что такое знак? А вдруг этот знак будет дан и ему? Или же знак уже был дан, но он просто не сумел распознать его?

Снаружи послышался топот копыт и приглушенное мычание – пастухи пригнали буйволов с пастбища.

Ухряк мысленно обругал Эгура и его глупую болтовню, и забылся беспокойным сном.

Глава 2

Траншея, на которой работал Ухряк, располагалась с западной окраины Раздрызга. Ее копали уже вторую неделю, и успели наворочать огромную яму. Но в законченном виде траншея должна была стать еще больше, вдвое против нынешних размеров. Для чего нужна эта огромная яма, того Ухряк не знал. Да ему, по большому счету, это было безразлично. За свою недолгую, но интенсивную, практику землекопа он успел вырыть немало котлованов под фундаменты, два искусственных пруда, несколько колодцев и иных ям непонятного назначения. Новая траншея была для него лишь очередной дыркой в земле. Он знал, что от него требуется, и знал, сколько ему за это заплатят. Все остальное Ухряку было неважно.

Поговаривали, что в стародавние времена, еще при Вандале, или даже раньше, Раздрызг процветал и благоденствовал. Возможно, это было правдой. Но правдой было и то, что времена процветания остались в далеком прошлом, и, похоже, остались там навсегда. Ныне город являл собой довольно жалкое зрелище, где бедность соперничала с упадком. Нельзя было сказать, что Раздрызг совсем уж погряз в разрухе. В нем проживало немало состоятельных горожан, чьи дома в два, а иногда и три этажа, выглядели вполне пристойно, резко контрастируя новенькой побелкой на фоне обшарпанных халуп соседей. Имелась резиденция малого вождя – правителя города. Ухряк видел ее только издали, близко к месту обитания высокого начальства его не пускала стража. Были в городе и рынки, и питейные заведения, и если не приглядываться к мелочам, Раздрызг мог показаться преуспевающим. Но это было обманчивое впечатление. Город, в основной своей массе, состоял из лачуг бедноты. Орки в нем жили плохо, многие из них терпели нужду. Ухряк знал, что точно так же дела обстоят на побережье, в рыбацких деревнях. И это всегда казалось ему странным. Ведь ни в самом Раздрызге, ни в его окрестностях, никто не бездельничал. Орки вкалывали с утра до вечера, трудились тяжело, не жалея себя, и, тем не менее, не могли вылезти из состояния нищеты. Едва ли не каждый день из города уходили обозы, груженные рыбой – вяленой, сушеной, копченой. Вся она продавалась в соседних городах, но почему-то не приносила большого дохода.

При этом Раздрызг не явился чем-то уникальным в плане своего плачевного положения. Ухряк встречал орков из других городов Вдребезгарии, и, по их словам, везде и всюду ситуация обстояла схожим образом, причем тянулось это с незапамятных времен. То есть, орки работали, работали, но результат их трудовых усилий был несоизмеримо ничтожным.

Ухряк, не привыкший ломать голову над сложными вопросами бытия, для себя объяснил это тем, что его народ отсекся от своей сути. Бывшие воины стали скотоводами и землекопами, отсюда и проистекали все их беды. Если бы жили по заветам Вандала, то не докатились бы до такого плачевного состояния.

Этот день оказался таким же жарким, как и все его предшественники в это знойное лето. Землекопы, в количестве десяти штук, копошились в широкой траншее, вонзая лопаты в неподатливый твердый грунт. Работа шла тяжело. То и дело инструмент упирался в камни, вяз в телах старых гнилых бревен, а иногда наружу выбрасывались глиняные черепки, бывшие прежде какой-то посудой, или даже старые кости. Ныне в этом месте раскинулся пустырь, но в прежние времена вся эта территория была застроена и являлась частью городской черты. Давно это было. Судя по находкам, которые следовали нескончаемой чередой и сильно тормозили работу, сотни лет назад. Раздрызг был стар и имел богатую историю, уходящую корнями в глубину веков. К тому же прошлое его было довольно бурным. Несколько раз город сгорал дотла, однажды был разрушен в ходе междоусобной войны между двумя кланами, а еще, как-то раз, на него обрушился чудовищной силы ураган, нанесший ощутимый урон городской архитектуре. Поговаривали, что в прошлом Раздрызг был больше и богаче. Возможно, так оно и было, когда орки вели правильный образ жизни, грабили презренных гномов и распутных эль-

фов, свозя всю добычу в свою державу. Но с тех пор как народ героев отринул путь предков и зажил честным трудом, дела у него пошли из рук вон плохо.

Загорелый до черноты Ухряк яростно долбил штыком лопаты твердую каменистую землю. То и дело его инструмент звякал об очередную находку, которая оказывалась обломком старинного глиняного кувшина, куском черепицы или ржавой подковой. Подковы, как и прочий металл, можно было не задорого продать кузнецу, но железо попадалось редко. В основном лопата выворачивала из земли кирпичи, куски гнилого дерева и глиняные черепки.

Почти все землекопы были пришлыми работниками, что собирались в город из окрестных деревень или с побережья. Среди них попадались выходцы из рыбацких семей. Прежде, по малолетству, Ухряку казалось, что уж рыбаки на побережье живут точно неплохо. Они, по крайней мере, всегда имеют достаточно рыбы, чтобы питаться ею досыта. Но на деле выяснилось, что это не так. Как оказалось, рыбная ловля вовсе не процветала. Уловы не приходились раз на раз, и редко когда сети были полны добычей. К тому же, городские перекупщики скупали рыбу по бессовестно низким ценам, и самим рыбакам перепадали сущие гроши. Да и питаться одной только рыбой, как сообщил Ухряку по большому секрету коллега-землекоп, это весьма сомнительное удовольствие. Поэтому многие рыбаки оставляли свой промысел и шли в Раздрыг, нанимаясь в нем на тяжелую разовую работу, которая приносила больше денег, чем заброска невода.

Обычно, орудуя лопатой, Ухряк полностью отключал свой разум и в течение всего рабочего дня не думал ни о чем. Но сегодня все было иначе. Из его головы упорно не шли все те мысли, что скапливались там на протяжении последних месяцев. Он думал о Вандале, великом завоевателе, чья жизнь была яркой и величественной, как полет горящего небесного камня на фоне звезд. Думал о былой славе своего народа, которая некогда гремела по всему миру, внушая ужас в сердца подлых гномов и презренных эльфов. А еще думал о вчерашнем разговоре с Эгуром. Болтовня праздного орка не шла у него из головы. Тот сообщил, что ждет какой-то знак. И Ухряк вдруг понял, что он тоже его ждет. Ждет и желает получить этот знак всей душой. Потому что более всего страшится повторить судьбу отца, и бесславно прожить свою жизнь, проведя ее в разных ямах с лопатой в руках.

Мысли отвлекали и мешали работать. Да и работа, вопреки обыкновению, вызывала в орке такую неприязнь, что ему хотелось бросить ее, переломив об колено ненавистную лопату. Не для этого инструмента созданы его ладони. Им следует сжимать боевую секиру. И не землю должен он долбить, а крушить головы недругов.

Штык лопаты, едва погрузившись в землю, глухо звякнул о какое-то препятствие. Похоже очередное наследие предков. Возможно, подкова или старый котел. Ухряк уронил инструмент на грунт, широкой ладонью смахнул со лба капли пота, который стекал вниз и заливал глаза, и, присев на корточки, стал руками выкапывать обнаруженную находку. Вот показался круглый, изъеденный ржавчиной, бок. Ухряк решил, что ему посчастливилось отыскать котел. Возможно, получится выручить за него пару-тройку монеток у кузнеца.

Он расчистил землю вокруг находки, ухватил ее за край и рывком выдернул из насиженного места. Выдернул, поднял перед собой, и едва сумел сдержать крик изумления.

В его руках оказался вовсе не котел, а старинный воинский шлем. Тот был сильно изъеден ржавчиной, один рог был обломан почти у самого основания, а некогда державшаяся на клепках полумаска, призванная защитить верхнюю часть лица, отвалилась и пропала. И все же, не смотря на скверную сохранность, частичное разрушение и толстый слой ржавчины, было ясно – это головной убор великого воина. Да не просто воина – вождя. Совпадение или нет, но именно такой шлем красовался на голове каменного Вандала, мимо которого Ухряк проходил дважды в день – на работу и с работы.

От волнения у орка так задрожали руки, что он едва не выронил свою находку. С чувством благоговения и восхищения взирал он на явившееся из недр земных свидетельство

былой славы его народа. Возможно, этот шлем принадлежал кому-то из соратников Вандала, или даже самому незабвенному воителю. И он не просто служил украшением. Этот шлем побывал в жарких битвах, повидал далекие земли.

– Что это у тебя? – прозвучал рядом голос другого землекопа, молодого орка из рыбацкой деревни.

Ухряк попытался ответить, но не сумел – от волнения у него перехватило дыхание. Он молча протянул коллеге свою находку, но тот, коротко взглянув на нее, пожал плечами и презрительно бросил:

– А, старая железка. Совсем истлела. Кузнец за нее и монетки не даст.

Ухряк со злостью уставился на собеседника.

– Железка? – пророкотал он, и его глаза стремительно налились кровью. – Да как ты смеешь?

Коллега удивленно уставился на Ухряка, явно не понимая причину его гнева.

– Ты чего это? – удивленно произнес он.

– Это шлем великого героя! – рявкнул Ухряк, да так громко, что все орки в траншее бросили работу и посмотрели в его сторону.

– Героя? – орк из рыбацкого поселка презрительно усмехнулся. – Да это какой-то ночной горшок. Разве что герои прошлого горшки на головах носили, поскольку денег на шлемы не было. Или....

Непочтительный зубоскал так увлекся своей болтовней, что не заметил, как Ухряк бережно, с величайшим почтением, опустил найденный шлем на землю, после чего, резко распрямившись, без лишних слов залепил коллеге кулаком в челюсть. Удар вышел что надо, все-таки силы Ухряку было не занимать. Рыбака опрокинуло с ног, и он растянулся на земле, удивленно моргая мутными глазами.

– А ну живо возьми свои грязные слова назад! – заревел Ухряк, нависнув над ним со сжатыми кулаками. – Живо! Иначе я вколочу тебе их в глотку вместе с зубами!

– Эй! Да ты чего? – пробормотал подбитый орк, медленно приходя в себя после прямого попадания, и щупая рукой стремительно распухающий подбородок.

Все землекопы собрались вокруг них, наперебой пытаясь выяснить причину конфликта.

– Возьми назад свои слова! – непреклонно повторил Ухряк. Выглядел он в этот момент настолько свирепо и страшно, что никто не решился урезонить его. Таким его вообще никогда не видели. Ухряк слыл спокойным меланхоличным малым, равнодушным ко всему. Он равнодушно рыл землю, равнодушно получал жалование, равнодушно пил пиво и равнодушно взирал на городских девиц, чистеньких, ухоженных, увешанных тяжелыми гирляндами бус. Точно так же он равнодушно реагировал на всевозможные шутки и подколки в свой адрес. Казалось, ничему не в силах вывести его из себя. А уж тем более – привести в состояние зверской ярости, в каковом он и пребывал в настоящий момент.

– Возьми свои слова назад! – повторил Ухряк. Теперь он не кричал, говорил негромко. Но голос его был настолько жутким, что всем оркам вокруг стало ясно – еще немного, и произойдет нечто страшное. Потому что Ухряк и не думал успокаиваться, просто его ярость перешла на новый уровень, и огонь, вырвавшийся наружу, теперь пылал внутри. И пылал жарко.

– Ладно, ладно, хорошо, – быстро сказал рыбак, со страхом глядя снизу вверх на беспричинно озверевшего коллегу. – Беру назад.

– Успокойся, Ухряк, – сказал один из землекопов, уже достаточно пожилой орк с тронутыми сединой волосами, которые были заплетены в две тяжелые косы. – Неправильно это – распускать руки без причины.

Ухряк метнул на него свирепый взгляд, и пожилой советчик в страхе попятился, явно жалея, что сунул нос не в свое дело. Остальные орки тоже притихли, взирая на Ухряка с открытым страхом. Больше всех был напуган рыбак, который как раз успел полностью прийти

в себя, и вдруг осознал, что полученный им удар в челюсть может оказаться далеко не единственным.

– Ухряк, все ведь хорошо, да? – трусливо заблеял он, на заднице отползая от разгневанного коллеги. – Ты извини, если я сделал что-то не то. Я не хотел.

Тут сверху прозвучал громкий властный голос:

– Эй! Кто объявлял перерыв?

Это был бригадир, толстый пожилой орк, зорко следящий за тем, чтобы выжать из наемных землекопов все возможное. И ничто не приводило его в большее бешенство, как беспричинно прерванный трудовым процессом.

Орки в траншее замолчали, понурились. Молчал и Ухряк, продолжая громко и свирепо сопеть. Взгляд его был до того дикий, что внушал ужас.

– Я спросил: кто объявлял перерыв? – повторно крикнул бригадир. – Вы что, уши грязью залепили?

Наконец, заговорив хором, орки ввели начальство в курс дела. Бригадир сердито уставился на Ухряка. Тот тоже смотрел на него из траншеи, и взгляд его трудно было назвать дружелюбным.

– Ты зачем драку затеял? – спросил бригадир.

Ухряк молчал. Он осознавал, что объяснение не придется по душе начальнику, и тот, возможно, тоже неподобающим образом выскажется о найденном им шлеме. А в душе Ухряка еще кипела ярость, лютая, звериная ярость, та самая, что толкает на самые немислимые и страшные поступки. Начни бригадир насмеяться над древней реликвией, и он тоже прочувствует на себе крепость праведного кулака. А вот это, и Ухряк осознавал сие предельно ясно, добром не кончится. За такое, как минимум, упекут в темницу, а потом будут судить. И ничем хорошим суд не завершится. Даже если все закончится просто штрафом, у Ухряка не было денег, чтобы его выплатить. А могут ведь и на каторгу отправить. Куда-нибудь на каменоломню. Ухряк слышал, что условия там были ужасные, и угодившие на карьер орки долго на этом свете не заживались.

– Да ты что, оглох? – рассвирепел бригадир. – Я тебя, пня дубового, спрашиваю: зачем драку затеял?

Ухряк вновь ничего не ответил.

Бригадир громко выдохнул, и произнес уже спокойнее:

– Ну, раз так, то вот что: дуй-ка ты отсюда, да живее. Мне здесь дебоширы не нужны. А вы, остальные, принимайтесь за работу, иначе плату вдвое урежу.

Орки, что-то тихо ворча, разобрали инструмент и вернулись к своему делу. Ухряк, ничего не говоря, наклонился, поднял свою лопату, бережно подобрал найденный шлем, и по прорытым в земле ступеням выбрался из траншеи. Здесь, наверху, он натянул на свое потное тело рубаху из грубой мешковины, и, не оглядываясь, пошел прочь. А его коллеги еще долго потом обсуждали этот инцидент, и гадали, какая муха укусила всегда спокойного и невозмутимого орка. Сошлись на том, что это временная дурь нашла, не более, а завтра он успокоится, станет прежним и придет проситься обратно.

Ухряк миновал Раздрызг, не глядя по сторонам. Шел, низко опустив голову, весь погруженный в свои мрачные думы. Лопату он нес в левой руке, правой же бережно прижимал к широкой груди ржавый шлем древнего героя. Выйдя за городские ворота, Ухряк, не оглядываясь, побрел по дороге, ведущей в родную деревню. Здесь, на просторе, он почувствовал себя лучше, и злость, сжигающая его изнутри, постепенно отступила, сменившись чувством досады. Он только теперь осознал, что потерял работу, которая была его единственным источником дохода. И далеко не факт, что его примут обратно, даже если он попросится, хорошенько унижившись в процессе, рассыпаясь в извинениях и заверениях, что впредь подобного не повторится.

И, тем не менее, Ухряк не считал, что он поступил неправильно. Он наказал непочтительного глупца, вздумавшего насмеяться над славой великих предков, и сделал бы это снова, если бы возникла аналогичная ситуация. К тому же находка взбудоражила его. Едва его руки вырвали из земной плоти ржавое эхо великой эпохи, как в голове молнией сверкнула мысль – вот он, знак!

А разве нет? Разве это не знак? И если это не знак, то что такое знак? Неужели ему должен был явиться дух самого Вандаля собственной персоной, и в доступных выражениях изложить волю небес? Дескать, хватит жить в позоре, срама себя честным трудом. Орки – народ героев и завоевателей. Пришла пора вспомнить об этом.

Ухряк посмотрел на ржавый шлем, который нес с собой, бережно прижимая к груди. Да, это знак. Глупо отрицать. И еще глупее игнорировать. Да и нельзя от такого отмахнуться. Знаки посылаются свыше, и не абы кому. Только избранным!

Ухряка затрясло от возбуждения, и он постарался взять себя в руки. В конце концов, нельзя было полностью исключать и того, что находка старинного шлема была чистой случайностью. Это маловероятно, особенно если учесть, что за всю свою карьеру землекопа, Ухряк ни разу не выкапывал никакой воинской амуниции. Но все же дело могло быть в чистом совпадении.

Тут следовало поговорить с кем-то, кто разбирался в знаменьях лучше, чем он сам. Ухряк прикинул, с кем можно было бы обсудить это дело, и на ум ему пришла лишь одна кандидатура. Да, Эгур был лентяй и враль, но ведь он что-то болтал о знаках. И потом, все остальные знакомые Ухряку орки едва ли были более компетентны в данном вопросе, чем праздный балагур.

Бредя неторопливым шагом, Ухряк добрался до перекрестья дорог, где стоял, гордо взирая в неведомые дали, каменный Вандал. Еще на подходе к статуе Ухряку показалось, что что-то изменилось. Монумент выглядел как-то иначе, нежели обычно, а уж Ухряк хорошо изучил его, поскольку дважды в день проходил мимо и всякий раз останавливался напротив, дабы отдать дань уважения великому воителю.

Подойдя ближе, орк выяснил, в чем дело. Каменный топор, который Вандал держал в своей вытянутой вперед гранитной руке, отвалился, упал и разбился о постамент в мелкую щебенку. Теперь вперед указывала пустая рука. Пустая, да не совсем. Камень обломился таким образом, что на конце ладони образовал длинный острый выступ, похожий на выставленный вперед палец. Этим-то пальцем Вандал и указывал в неведомые дали. Не грозил им топором, как прежде, но словно...

Словно давал знак.

Потрясенный Ухряк остановился напротив монумента, не веря своим глазам. Сначала найденный шлем, теперь вот это. Многовато совпадений, чтобы быть просто совпадениями. Будто некие высшие силы фактически прямым текстом озвучивали ему свою волю.

Ухряк бросил на землю лопату, подошел к статуе и со всей возможной почтительностью возложил к ее основанию найденный в котловане шлем.

– Вандал, великий герой, – произнес он, прослезившись от волнения. – Знак ли это, или же я выдаю желаемое за действительное?

Он замер, ожидая ответа. На мгновение Ухряку показалось, что статуя легендарного полководца вот-вот оживет, покрытый сетью трещин камень дрогнет, и исполинский Вандал, повернув к нему свое мужественное, украшенное боевыми шрамами лицо, скажет нечто важное.

– Вандал! – дрожащим от волнения голосом, повторно воззвал Ухряк. – Скажи!

И вдруг где-то рядом прозвучал ворчливый старческий голос:

– Иди! Чего встал?

От неожиданности и испуга Ухряк подпрыгнул едва ли не выше своего роста, не устоял на ногах и сел задом на обочину. Дикими глазами он уставился на старого седовласого орка,

который шел по дороге, ведя за собой тощего ослика, запряженного в телегу. Ухряк так увлекся беседой с каменным изваянием, что не услышал его приближения.

– Встал посреди дороги, и стоит, – продолжил ворчать старик, проходя мимо.

Он неодобрительно покосился на сидящего на обочине Ухряка, покачал головой, и буркнул:

– Молодежь!

Старик проплыл мимо. За ним тащился старый осел, который тоже посмотрел на Ухряка с осуждением в глазах.

Телега, скрипя, проползла мимо и стала удаляться. Ухряк все еще сидел на обочине, тупо глядя ей вслед. Он был потрясен до глубины души. Теперь уже не было никакого смысла обманывать себя. Да, это знак. Точнее, целых три знака. Видимо, высшие силы сочли его изрядным тугодумом, раз не ограничились одним знаменьем. Но хоть он и тугодум, зато избранный тугодум. Ведь знаки посылаются лишь избранным, это совершенно точно.

Ухряк медленно поднялся на ноги, походя отметив, что его всего колотит нервная дрожь. Его это не удивило. Подобные вещи происходят не каждый день. И не с каждым. Судьба избрала его для чего-то. Но для чего?

Он посмотрел на каменного Вандала, затем на ржавый шлем у его подножия, и невольно усмехнулся. Да, похоже, он действительно тугодум. Для чего же еще, как не для возвращения его народу былой славы и величия? Разве возможна иная цель?

Ощувив весь груз свалившейся на него ответственности, Ухряк едва не сел на обочину повторно. Но он устоял. Наклонился, поднял с дороги лопату, и вновь обратил взор к гранитному Вандалу.

– Великий герой, – произнес он с чувством, – обещаю тебе, клянусь, что не подведу! Наш народ вернет себе былую славу.

Вандал ничего не ответил, но Ухряку показалось, что он прочел на каменном лице воителя выражение одобрения.

– Не подведу! – повторил Ухряк, и сжал свои огромные кулаки. – Клянусь!

Глава 3

В самый разгар знойных летних дней Эгур предпочитал прятаться от жары в зарослях кустарника, что произрастали с запада от деревни. Кустарник был колючим, а сами заросли достаточно густые, чтобы служить надежным убежищем от всех, кто, по какой-либо причине, захотел бы его найти. Или, чего тоже не следовало исключать, подкрасться к нему, мирно спящему, неслышно и коварно. У Эгура были причины опасаться односельчан, и, в особенности, своей родни. Предчувствие подсказывало, что семья не желает ему добра. Что неоднократно подтверждалось разного рода возмутительными случаями рукоприкладства. Эгур чувствовал, что его образ жизни, ведомый по священным заветам орков, и восходящий к самому Вандалу, считавшему честный физический труд несмываемым позором, немногим по душе. Окружающие орки, что семья, что соседи, всеми силами пытались отвлечь его от пути истинного, принудить быть как все, то есть покрыть себя несмываемым позором и податься в стан честных тружеников. Но Эгур боролся с этим. Он сопротивлялся. Изо всех сил. За свои убеждения он готов был пострадать, и периодически страдал, но отступать от них и не думал.

Сегодняшний день, как и все прочие, был наполнен борьбой за идеалы. Рано утром Эгуру посчастливилось стащить из дома три большие лепешки, после чего он, вместе со своей богатой добычей, передислоцировался в заросли кустарника, в которых его не смогли бы найти и изловить даже коварные эльфы. Крепко позавтракав, Эгур растянулся на траве, в тени зарослей, заложил руки за голову, прикрыл глаза, и весь отдался яростной и самозабвенной борьбе.

Его коробило от вида односельчан, погрязших в нищете и напрасном труде. Не так, совсем не так завещал жить своим потомкам великий Вандал. Разве Вандал работал? Да он за всю жизнь пальцем о палец не ударил. Сам не работал, и другим не советовал. Зачем работать, когда есть на свете эльфы и гномы? Вот им-то работать и положено, а орки, правильные орки, не потерявшие уважения к себе, должны эльфов и гномов регулярно грабить, на что и жить в сытости и достатке.

Но его народ отринул заветы пращуров, и зажил неправильно. Перестал заниматься грабежом, зачем-то начал работать, притом работать честно. Разумеется, ни к чему хорошему этот извращенный способ существования привести не мог. Некогда процветавшая Вдребезгария погрязла в нищете и разрухе. А орки, вместо того, чтобы одуматься, и пойти верным путем, проторенным славными предками, будто лишились остатков ума, которым, по правде, никогда не были чересчур богаты. Вколотили себе в порожние головы, что работать надо еще больше, больше и больше, лучше всего вообще без отдыха, денно и ночью. И ведь работали. И становились от этого только беднее. А ведь корень всех бед некогда великого народа лежал на поверхности. Дело было в том, что боги сотворили каждую тварь земную для чего-то своего. Рыбе было положено плавать в синем море, и таков уж ее путь. А выбрось рыбу на сушу, и тут-то ей смерть настанет. Почему? Потому что не ее это судьба, по суше скакать. Или вот птицы. Те сотворены для полета. Пока бороздят небесные просторы, живы и здоровы, чувствую себя неплохо. А если какой-то птахе вздумается в море синем поселиться, то тут-то ей и крышка. Не ее это путь, в воде бултыхаться.

Или вот эльфы с гномами. Для чего сотворили их боги? Да исключительно для того, чтобы было кого оркам бить да грабить. Эльф да гном трудятся честно, добро наживают, богатства копят. А потом приходит орк, эльфу и гному головы отрывает, добро их в свой мешок помещает. Ибо таков уж путь орка – грабить да убивать. Не создан он для честного труда. И чем больше будет пытаться не своей жизнью жить, тем хуже будет его жизнь.

Эгур понял все это давно. Сам до всего дошел, своим умом. И с тех пор яростно сопротивлялся всем попыткам принудить его к неправильному образу жизни. Решил, что уж если

и не суждено жить ему по заветам Вандаля, то уж совсем-то он себя не осрамит, и руки свои, под секиру заточенные, честным трудом не запачкает.

Верный принципам, Эгур как залег после завтрака в кусты, так и задремал. Ему снились пылающие города ненавистных эльфов, звон оружия, низкое протяжное гудение боевого рога. Лишь во сне он мог пожить правильно, как и подобало орку. Потому Эгур так любил спать, и так не любил просыпаться. Особенно не любил, когда сон его завершался не сам собой, по причинам чисто биологическим, а прерывался кем-либо посторонним. Притом прерывали, как правило, по всяким пустякам, или вообще без повода. Просто, чтобы неодобрительно спросить – что, опять спишь? И зачем для этого будить и спрашивать? Как будто и так не видно.

Эгур спал и видел дивный сон, в котором он, в составе орды Вандаля, разорял какой-то эльфийский город. Дело шло весело и лихо. Успел набить два мешка отменной добычей, захватил трех пленников – будущих рабов, и уже стал присматриваться к невыносимо красивой статуе из белого мрамора, которую в щебень не разнести просто смертный грех, но тут откуда-то из отвратительной реальности прозвучал громкий крик:

– Эгур? Эгур? Ты там? Знаю, что там!

Эгур поморщился во сне, решив, что просыпаться полностью необязательно. Покричат, покричат, надоеет и перестанут. Да и не хотелось прерывать чудесный сон. Ему как раз приснился сам Вандаля, весь в крови, грязи и славе, и лично предложил ему поучаствовать в разрушении святилища ненавистных эльфов. Эгур едва не разрыдался от счастья. Сам Вандаля его зовет! А ведь великий полководец на такие важные мероприятия не приглашает всех подряд. Чтобы удостоиться чести заняться вандализмом плечом к плечу с самим Вандаля, для этого требуется нехило так отличиться.

– Эгур! – вновь зазвучал из реальности все тот же голос. – Эгур, вылезай! Иначе кустарник подожгу!

Эгур вздрогнул, и усилием воли сбросил с себя последние остатки чудесного сновидения. Разоренный эльфийский город и Вандаля, зовущий на подвиги, бесследно испарились. Вкруг него встали колючие стебли кустарника, сквозь которые просматривалось голубое безоблачное небо.

Полдень, решил Эгур. Самое большее – полдень. В этот самый жаркий час только и делать, что сладко спать и видеть эпические сны. И кому потребовалось оторвать его от приятного занятия?

– Эгур!

Голос был знакомый, и принадлежал он Ухряку. Это показалось Эгуру странным. Он точно знал, что Ухряк, будучи честным тружеником, поправившим все заветы предков, вкалывает в городе от рассвета до заката, и в деревню возвращается только под вечер. Что же он делает здесь в полдень?

– Эгур, выходи! – требовал Ухряк. – Не бойся. Я с миром. Поговорить надо.

Эгур почесал пальцами щеку, то и дело цепляясь обкусанными ногтями за свои огромные клыки, затем перекатился на живот, встал на четвереньки, и проворно пополз по проходу под кустарником. Это была его тайная тропа, которую невозможно было разглядеть снаружи. Вдумай кто-нибудь добраться до его логова напролом, он бы весь искололся об шипы и запутался в ветвях.

Эгур быстро пополз по извилистой тропе, выбрался из зарослей, после чего осторожно поднял голову и выглянул из высокой травы. Он сразу же увидел Ухряка – этого широкоплечего здоровяка трудно было не заметить. Тот стоял на дороге, опершись на свою лопату, и обводил взглядом заросли кустарника.

– Эгур! – зычно крикнул он.

Принципиальный орк замешкался. Ухряк, как и все остальные обитатели деревни, не входил в число его друзей. Друзей у Эгура вообще не было, ибо никто не разделял его высоких

убеждений и приверженности к традиционному образу жизни. Зато Эгур прекрасно помнил, что вчера у них с Ухряком состоялся разговор, в ходе которого землекоп неоднократно озвучивал угрозы незаманчивого характера. Уж не с этой ли целью он явился сюда?

– Ну, все! – выпалил Ухряк. – Иду в деревню, возвращаюсь с углями, и сжигаю к чертям собачьим все твои кусты.

– Пожар по всей степи пойдет, – крикнул Эгур, не торопясь высовываться из травы. – Все выгорит, до самого Раздрызга и побережья.

– А и наплевать! – сообщил Ухряк.

Эгура удивило подобное отношение. Ухряк всегда был неправильным орком до глубины души, идя тем же порочным путем, что и его отец. Считал, что работать нужно много и усердно, а на нищету не роптать. И уж конечно он никогда бы, даже в мыслях, не дерзнул устроить какое-либо грандиозное бедствие. Устраивать бедствия, это правильный путь. А Ухряк этого пути всегда сторонился.

– Выходи, разговор есть, – сказал Ухряк.

– На тему? – уточнил Эгур, продолжая сидеть в своем укрытии.

– На тему нашей вчерашней беседы.

Эгур так и знал. Ухряк, судя по всему, затаил обиду на его слова, и сегодня пришел поквитаться. Даже свою работу ради этого прогулял.

Прикинув, что к чему, Эгур принял решение.

– Нет, – сказал он, – не выйду. Знаю, что ты хочешь сделать.

– Что? – спросил Ухряк.

– Бить ты меня хочешь. Да только не бывать этому. Не сегодня. А хочешь бить, так сперва поймай. Как там эльфы говорят: без труда не выловишь и рыбку из пруда. И еще что-то про саночки... забыл, честно говоря.

– Не собираюсь я тебя бить, – крикнул Ухряк, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. – Поговорить хочу, сказал же.

– Ну, мы уже, вроде как, говорим, – напомнил Эгур. – Вот и говори дальше.

– Орать, что ли, на всю степь? – раздраженно рявкнул Ухряк.

– Да ведь все равно нет никого.

– У меня глотка не чужая. Хотя бы ближе подойди.

Какая-то часть Эгура упрямо твердила ему оставаться на месте, поскольку ничем, кроме коварной уловки, это предложение побеседовать, быть не могло. Но что-то в интонациях Ухряка заинтересовало его. Орк-землекоп явно был чем-то сильно взволнован. Возможно, случилось нечто важное. Хотя, что важного может произойти в этом пропащем мире? Разве что сам Вандал восстал из мертвых и собирает орду для похода на загнивающих эльфов.

В итоге, решившись, Эгур медленно поднялся во весь рост, возвысившись над травой. Ухряк, разумеется, тут же его заметил.

– А, вон ты где, – сказал он. – Подойди, не бойся.

Эгур подошел, но не слишком близко. Он оставил себе приличную фору, с таким расчетом, что если вдруг Ухряк, сорвавшись с места, попытается схватить его, у него была бы возможность набрать скорость и умчаться прочь.

– Ну, о чем ты хотел поговорить? – спросил Эгур, недоверчиво, и с опаской, поглядывая на Ухряка. Тот, надо отдать ему должное, был изрядно здоров. Не иначе, как нарастил мышцы на раскопках. Его широкие плечи напоминали два каменных ядра для катапульты, а огромными толстыми ручищами можно было ломать стены эльфийских дворцов.

Ухряк замялся, не зная, с чего начать. Когда он шел сюда, ему казалось, что обсудить все это с Эгуром удачная идея, но теперь он перестал так думать. В конце концов, кто такой, это Эгур? Просто лентяй и болтун. Чем он ему поможет? К тому же, знак был послан ему одному. Он избранный. А избранный всегда знает, что делать.

Но Ухряк не знал.

Наконец, собравшись с мыслями, он спросил:

– Помнишь, ты вчера сказал про знак?

– Помню, – ответил Эгур, с возрастающей подозрительностью поглядывая на собеседника.

– Так вот, – Ухряк нервно поскреб ногтями широкую грудь, – такое, значит, дело. Мне, это самое, знак был.

Эгур уставился на него с величайшим изумлением, которое довольно быстро сменилось гримасой раздражения.

– Что ты мне голову морочишь? – проворчал он, и, на всякий случай, отступил от Ухряка на два шага. – Какой еще знак? Да еще и тебе!

– А в чем дело-то? – возмутился Ухряк. – Чем я для знака не гожусь?

– Да ничем, – прыснул праздный орк. – Живешь, словно эльф, работой себя позоришь. Видел бы Вандал это непотребство...

– Не трогай Вандала! – свирепо рявкнул Ухряк, и Эгур отбежал от него еще на три шага.

– Про меня что хочешь, то и говори, но Вандала не касайся! – уже спокойнее предупредил Ухряк. – За Вандала порву!

– Я без задней мысли, – заверил его Эгур, с опаской поглядывая на вспыльчивого орка. – Со всем подобающим уважением к эпической личности. Только дело-то не Вандале. С чего тебе знак-то послан был? Чем ты заслужил такую честь?

На этот вопрос ответа у Ухряка не было. А ведь он и сам ломал над этим голову на всем протяжении пути от Раздрызга до родимой деревни. Действительно, что в нем такого особенного? Ничем он из прочих орков не выделяется, никакими деяниями героического характера не отметился. Живет так, как жил его отец, то есть такой жизнью, каковую Вандал всячески порицал. Недаром же уже многие века из уст в уста передаются слова великого полководца: если правая рука искушает тебя поработать, отруби ее к той-то матери. Вандал, пророк и мудрец, полагал, что руки орку нужны для трех дел: держать секиру, загребать эльфийское добро в мешок, и чтобы было, чем кружку с пивом подцеплять.

И тут, пожалуй, в словах Эгура была правда. Ухряк вынужден был признать, что его образ жизни был крайне недостойным, и Вандал бы его за честный труд по головке не погладил.

– Не знаю, почему я, – пожав своими огромными плечами, честно признался Ухряк. – Может, духи предков увидели во мне что-то, что сокрыто от меня самого?

Физиономия Эгура отразила сомнение, но он смолчал. Вместо этого предложил:

– Расскажи, о каком знаке ты говоришь.

Ухряк, сбиваясь от волнения, поведал праздному орку о том, как нашел в траншее древний шлем, точь-в-точь как тот, что красовался на голове каменного Вандала.

– Ну, это могло быть случайностью, – заметил Эгур. – А где тот шлем?

– Я его у монумента оставил, – ответил Ухряк.

– Понятно, – кивнул головой праздный орк. – Даже не знаю. Как-то слабовато для знака.

– Это только первый, – произнес Ухряк.

Эгур вытаращил глаза и уставился на него с безграничным изумлением.

– Что? – простонал он, невольно подступая ближе к собеседнику, и даже забыв, что того следует опасаться. – Что значит – первый?

– Первый знак, – пояснил Ухряк.

– А что, был и второй?

Ухряк рассказал о том, как отвалившийся от статуи топор образовал на гранитной руке воителя указующий перст.

– Надо же, – взволнованно произнес Эгур. – Вот это уже серьезно.

– Был еще и третий знак, – сообщил Ухряк, очень довольный тем эффектом, который его слова произвели на праздного орка.

– Что? – подпрыгнул Эгур. – Еще и третий? Да ты брешешь!

– Чтоб мне с эльфом побрататься, если хоть слово выдумал! – решительно заявил Ухряк.

– Мать моя! – воскликнул Эгур. – Ну, давай, давай, выкладывай! Скорее!

Ухряк рассказал ему и о том, как обратился с вопросом к каменному Вандалу, и получил на него ответ. Правда, посредником в общении выступил какой-то старик с ослом, но так ли это важно? Ответ-то явно исходил от самого Вандала, только тот, в силу объективных причин, не мог дать его лично.

– Подожди-ка, – перебил его Эгур. – Говоришь, старик вел осла?

– Да, старого такого, облезлого.

– А ведь это тоже знак! – поднял палец вверх Эгур, и многозначительно подмигнул собеседнику. – Уже четвертый!

– Осел тоже знак? – удивленно переспросил Ухряк.

– Конечно! Разве ты забыл ту легенду о Вандале, когда он разграбил монастырь благочестивых эльфийских дев исключительной непорочности?

– А, помню! Конечно, помню! – воскликнул Ухряк, хлопнув себя по лбу широкой потной ладонью. – Это когда Вандал ехал на своем боевом волке по территории монастыря, а перед ним бежал ослик. И все сочли это знаком свыше.

– Да нет, другая легенда, – поправил его Эгур. – Это когда Вандала с его воинами в том монастыре окружили, и он пришел на переговоры к эльфийскому генералу. И, не успев зайти в шатер, обозвал того генерала ослом, а потом еще про маму генеральскую много шокирующей правды вывалил во всеуслышание. Об этом еще эпическая песнь имеется, называется: «Обтекающий эльф».

– Да, да, точно, – радостно закивал головой Ухряк. – А ведь и верно – четыре знака.

– Если четыре, – многозначительно произнес Эгур.

Ухряк вздрогнул.

– Что ты имеешь в виду? – быстро спросил он.

– А вдруг их было больше, просто ты сумел распознать не все.

Ухряк отшатнулся от собеседника, будто его ударили по лицу доской. А ведь и верно. Вдруг высшие силы уже посылали ему знаки, только он, по своей тупости, не сумел их понять? Ухряк стал лихорадочно припоминать свое недавнее прошлое, стараясь сообразить, не было ли там чего-то такого. Вспомнил, что пару дней назад видел в небе облако, формой похожее на боевую секиру. Еще тогда удивился – откуда оно взялось, небо ведь чистое. Вероятно, это тоже был знак.

– Были еще знаки! – прошептал Ухряк, с ужасом глядя на Эгура.

– Значит, это правда, – кивнул праздный орк. – Шлем, палец, глас, осел. . . . Даже их достаточно.

Ухряк взволнованно поежился, явственно ощутив на своих плечах тяжкий груз еще непонятной ему до конца, но крайне важной ответственности.

– Что же теперь делать? – спросил он. – Я просто не знаю. Как понять, чего хотят от меня высшие силы?

– По-моему, тут все очевидно, – заявил Эгур. – Все твои знаки связаны с Вандалом, а мы оба знаем, чем занимался Вандал.

– Вандализмом, – кивнул Ухряк.

– Вот именно. Благодаря ему наш народ обрел свой путь в этом мире. Путь, который ныне оказался забыт и отринут. Отсюда и все беды. Попрали заветы предков, живем, как какие-то эльфы. А мы ведь не эльфы. Мы орки! Нам самим Вандалом завещано грабить и разрушать. А мы зачем-то работать пытаемся.

– Ты и не пытался, – напомнил ему Ухряк.

– Конечно, – гордо вскинув голову, согласился Эгур, восприняв брошенную в его адрес фразу как комплимент. – Я орк! Для работы созданы эльфы и гномы. А я выше этого.

– Думаю, я тоже, – прогудел Ухряк. – Надоело все. Не хочу больше в грязи ковыряться, как жук навозный. Такую жизнь даже жить противно.

– И не тебе одному, – заверил его Эгур. – Думаю, многие орки хотят возвращения прежних времен, времен славы и военных походов. А те знаки, которые были даны тебе, говорят о том, что час пробил. Подходят к концу времена тяжкого позора. Грядет эра вандализма!

– Вандализм неизбежен! – выпалил Ухряк. – Вот только... Только мне-то что делать? Я прямо и не знаю.

Эгур на мгновение задумался.

– Знаешь что, – предложил он, – давай-ка сходим и посмотрим на тот шлем, что ты выкопал из земли. А по дороге подумаем, как теперь быть. Что сидеть, сложа руки, нельзя, это ясно. Нет ничего хуже, чем проигнорировать знак свыше. Тем более – целых четыре штуки. За такое духи предков по головке не погладят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.